

18+

#КНО_ЛУЧШЕЕ

КАТЕРИНА НЕВСКОЕ-ОБЛАКО

СБОРНИК СТИХОВ
2021

Катерина Невское-Облако
#КНО_лучшее. Сборник стихов

«Издательские решения»

Невское-Облако К.

#КНО_лучшее. Сборник стихов / К. Невское-Облако —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-550596-5

Катерина Невское-Облако — поэтесса из Санкт-Петербурга, резидент проекта «Литературная гостиная». Одно из её стихотворений украшает автобусную остановку на Каменноостровском проспекте, 81. В сборнике представлены лучшие тексты о любви, путешествиях, размышления на общефилософские темы. Книга уникальна тем, что все иллюстрации сделаны самой Катериной: одно из направлений её творчества — визуальная поэзия. Сборник понравится любителям светлой, искренней лирики, пронизанной настоящими чувствами.

ISBN 978-5-00-550596-5

© Невское-Облако К.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Мысли на ходунках	7
Баланс	8
Мост	10
Японский садик	11
Саксофон	12
Эти шпиди	13
В моих венах Нева	15
Чебурек	16
Петька	17
Ленинград	18
Чулан и хлеб	19
Космос в автобусе	20
Рыцарь	21
Башня	22
Шероховатое	23
Легенда о трёх морях	24
Клоун	25
2341 градус	26
Идеально!	27
33 реальности	29
Город	30
О расстоянии	31
Эстетика	32
Бруклинский мост	33
Сон	34
Орхидеи	35
Кофе	37
Сделка	38
Горечь	39
О пределах	40
Феникс	41
Дороги-круги	42
Вещие сны	43
Утро	44
Верь мне	45
Киндзмараули	46
Воин	47
Гора на плечах	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

#КНО_лучшее Сборник стихов

Катерина Невское-Облако

© Катерина Невское-Облако, 2021

ISBN 978-5-0055-0596-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*сти... нас уже читали сегодня, нас
не занесли пока ещё в опечатки,
значит, не время чёрным твоим щеглам
смерть щебетать на аптечной кривой латыни,
сти – это звёзды катятся по щекам
белые, синие, красные, золотые...*

Сергей Шестаков

Вместо предисловия

Я росла на Queen и Led Zeppelin в плеере,
Вырезала из старых журналов Вермеера,
Рембрандта – и мечтала, что стану художницей,
Под учебником математики прятала кисти, ножницы.

Когда ездили к югу с семьёй, я влезала на верхнюю
Полку в купе,
Не от старости ветхую,
И смотрела в окно, сняв очки с переносицы,
Как деревья – а может быть, годы? – проносятся.

Если признак взросления – пухлый пакет с пакетами,
Значит, мне не положено баловаться мольбертами,
Значит, детство прошло, и корабль космический
На футболке выглядит слишком комически,
Значит, мне, как любой балерине на пенсии,
Снять пуанты придётся —
Хоть это невесело.

Я пытаюсь сказать,
Что с тех пор, как выросла,
Моя жизнь убивает во мне корни вымысла,
А теперь ты приходишь
И будишь во мне уснувшее.
Я опять начала рисовать – будто не всё разрушено!

И когда ты в плацкартном вагоне
Уступаешь мне верхнюю —
Я люблю тебя больше, чем Фредди Меркьюри!

5`20

Мысли на ходунках

Кожа покрылась иголками,
Острыми, как шипы.
Взглядами-стрелами долгими
Воздух пронзаешь ты.

Сердце покрылось корочкой,
Крепкой, надёжной бронёй.
Ты, игнорируя поручень,
Падаешь вниз головой.

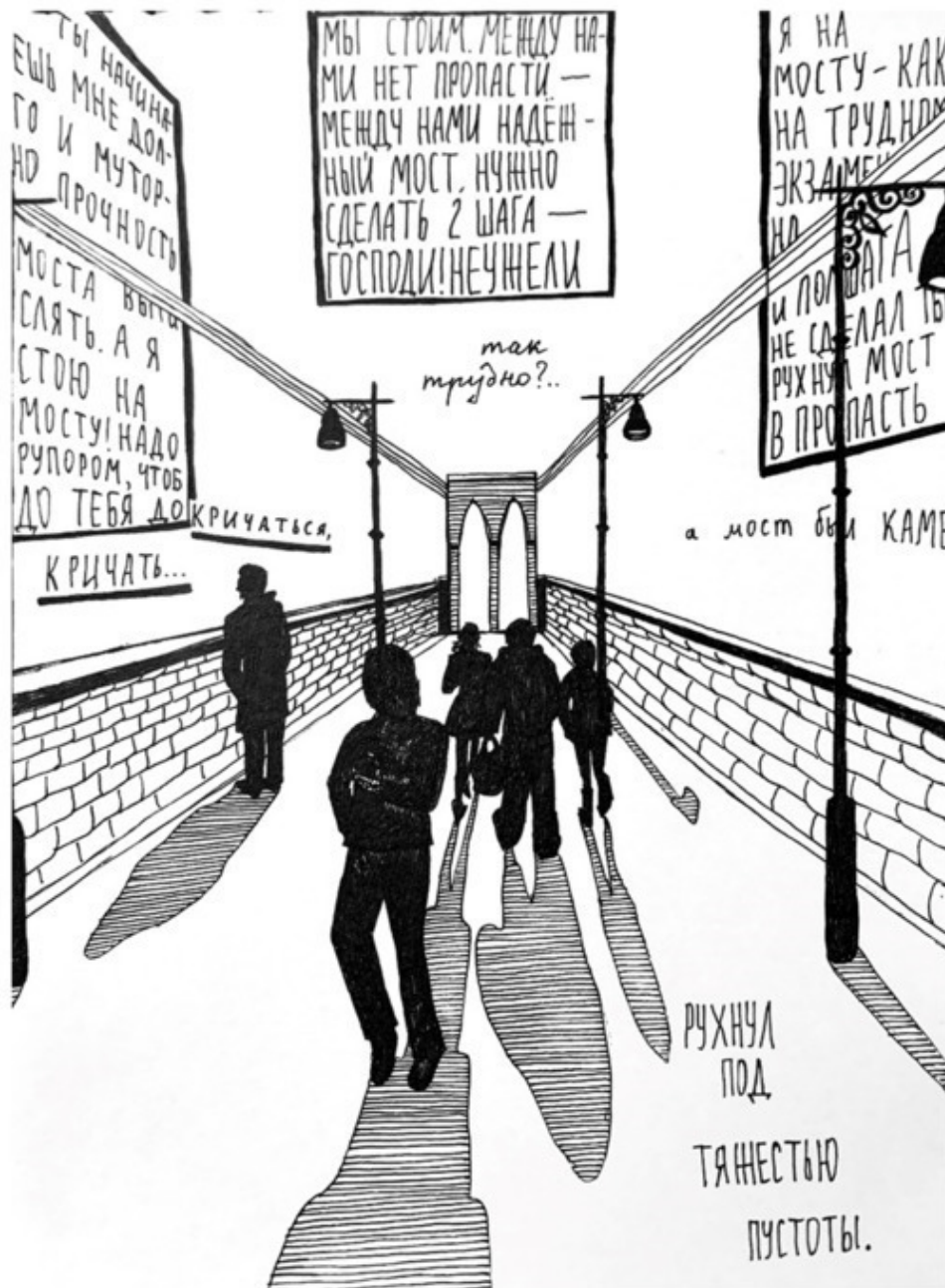
Память моя искалечена,
Мысли на ходунках.
После апрельской встречи мы
Оба теперь в дураках.

12`17

Баланс

Поймала за хвост равновесие,
Нашла наконец-то баланс.
Мне в белые ночи так весело
Единственный данный мне шанс
Сложить в самолётик – и по ветру,
Смеясь, со всех сил запустить.
В холодных объятиях города
Мне нечего больше любить.

10'17

Мост

Мы стоим – между нами нет пропасти,
Между нами – надёжный мост.
Нужно сделать два шага – Господи!
Неужели так трудно оставить пост?

Мы стоим неподвижно. Я первая
Делаю маленький полушаг —
Тут же отскакиваю. Наверное,
Это – ловушка, засада, враг.

Ты начинаешь мне долго и муторно
Прочность моста вычислять.
А я стою на мосту – надо рупором,
Чтоб до тебя докричаться, кричать.

Я всё же делаю шаг и решительно,
Прямо смотрю на тебя.
Ты продолжаешь – и так убедительно! —
Мне говорить про меня.

Я на мосту, как на трудном экзамене.
Но и полшага не сделал ты.
Рухнул мост в пропасть – а мост был каменный! —
Рухнул под тяжестью пустоты.

3`17

Японский садик

В тумане раскрашенных сумерек
Мигают в окно фонари.
Ты знаешь, я словно кубарем
С высокой лечу горы.

Ты знаешь, я словно заживо
Внутри себя всё сожгла.
Перегорели важные,
Подлинные слова,

Остались блестящие фантики
Обёрточной мишуры.
Ты видел, в японском садике
Красивейшие пруды —

А больше сказать мне нечего.
И ты, ангел мой, промолчи.
Разбились однажды вечером
Мои и твои мечты.

10`17

Саксофон

Распятия перекрёстков,
Моторов ревущих стон.
На крыше бетонной высотки
Играет слепой саксофон.

В конвульсиях бьётся ливень,
Бросая пригоршни страз.
Ты можешь быть гордым и сильным,
Пока не полюбишь джаз.

Под утро горячий кофе
Дороже ночного вина.
Твой заспанный острый профиль
Мелькнул и исчез у окна.

Из баров под утро жуками
Ползут по домам лихачи.
Их лучше не трогать руками
И вслед не бросать кирпичи —

Романтике ночи послушные,
Они отрицают сон.
Их главная в мире отдушина —
Чуть хриплый слепой саксофон.

12`17

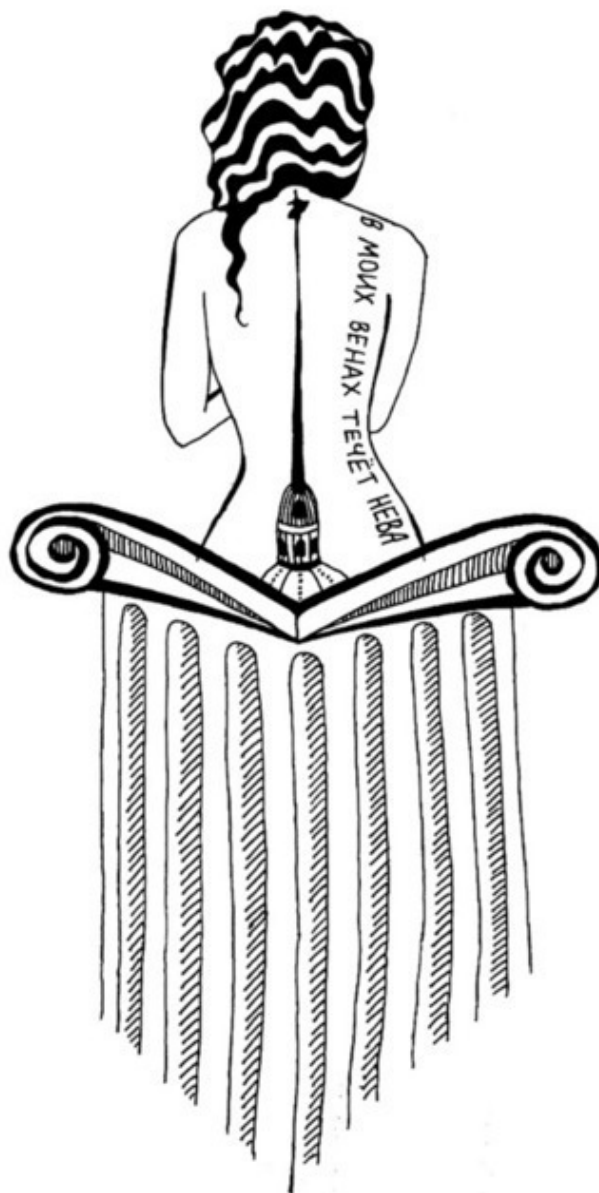
Эти шпили

Этим шпилям всего три века,
Это – юная слишком твердь.
Город так же, как человека,
Можно страстно и бурно хотеть.

Эту сизую, гордую реку,
Норовящую вечно восстать,
Можно так же, как человека,
До безумия жадно желать.

Этим воздухом-оберегом,
Обнимающим мягко дома —
Ха! В отличие от человека,
Не насытиться никогда.

2`18

В моих венах Нева

В моих венах течёт Нева.
Натянулась моста тетива —
Створкой выстрелит в ночь —
Чуть позже.

В позвоночник, как лодок киль,
Вшит литой Петропавловский шпиль.
Я – Дворцовой родная дочь
Площади.

Закрепились – и навсегда! —
Родинками острова
На предплечьях.

Я коплю твоих чаек крик,
Каждый ветром пропитанный миг
В печени.

Даже сизый и горький смог
Ты, мой ангел, так и не смог
Вытравить из моих лёгких.

Как прилипшая к соснам смола —
Я с тобой, даже если дела
Совершенно,
Из рук вон плохи.

Уже трио веков подряд
Ты и Питер, и Ленинград,
Между Русью и Балтикой шнур.

Залпом пушки в полуденный зной
Я взрываюсь в тебя. Ты – мой.
Я люблю тебя,
Петербург.

3`18

Чебурек

Я говорила ему о вечном,
О том, что он самый родной человек.
Он мне сказал: «Будь другом, дай кетчуп», —
И продолжал уплетать чебурек.

Я говорила ему о важном,
О жизни и смерти, о правде и лжи.
Он мне сказал, развалившись вальяжно
У телевизора: «Не мельтеши».

Я говорила ему так много
О мире, который ужасно кругл.
Повисло молчание. Думаю: понял! —
Рано обрадовалась: уснул.

3`18

Петька

Петька сидел на камне и смотрел на море.
Камень казался теплее, чем русская печка дома.
Камень, казалось, был ему верным другом —
Он всегда приходил к нему, когда трудно.

Петька совсем не слабак, но он больше не может
Видеть вокруг себя жадные, пьяные рожи.
Он решает сбежать – будет жить по своим законам,
Наберёт себе армию, изобретёт корону.

Петькин первейший враг – собственная неграмотность.
Петька едет учиться, убивая в себе свою слабость.
Он мечтает о северном, призрачном море...
Он его отвоюет. И город себе построит!

Петька прошлому режет безжалостно вены:
Если нужно – поборет и турок, и шведов,
Если нужно – он небо проколет высокой спицей,
Позолоченным символом новой морской столицы.

Для него это Кремль – заросшее гнилью болото,
А не Невского гимна журчащие, свежие ноты.
У него, очевидно, не кровь, а никель.
И не Петька он вовсе —
А император
Пётр Великий.

3`18

Ленинград

Я не прожила тех отравленных дней,
Когда был в беде Ленинград.
Я счастлива видеть улыбки детей,
А не умирающий взгляд.

Мне не было страшно спуститься во двор,
Здороваться с каждым встречным.
Я счастлива слышать в домах разговор —
Не дикие вопли картечи.

Я с каждым закатом ложилась в кровать,
Уверенная в завтра.
Я счастлива ленточку надевать —
А не униформу солдата.

И рядом со мною — отец и мать,
Два любящих, добрых сердца.
Я счастлива голод лишь понаслышке знать,
А не из блокадного детства.

Завидовать нечему — я не хвалюсь,
Гордиться собой — излишне.
Я каждой строкой за солдат помолюсь —
За ангелов, город хранивших.

5`18

Чулан и хлеб

Ты попросила чулан и хлеб —
И всё сполна получила.
Рядом, за стенкой, хромой сосед —
В общем-то, тоже мужчина.

Бог милосерден – просящим даст
Каждому по заслугам.
Не поднимая к иконам глаз,
В молитве слагаю руки.

Сколько накосит усердный жнец —
Столько получит хлеба.
Ты попросила чулан. Я – дворец
И не хромого соседа.

Злишься от шума богатых карет,
Но в злости совсем нет толка.
В следующий раз попроси не хлеб,
Если решишься только.

5`18

Космос в автобусе

Медью рассыпались волосы
На угловатые плечи.
В сонном ночном автобусе
Еду опять до конечной.

В этом своя эстетика —
Грустные пассажиры,
Порванные билетки,
Поручней жёлтых жилы.

В раннеапрельской мороси
Все забывают про возраст.
Еду в земном автобусе,
Втайне мечтая про космос.

4`18

Рыцарь

В доме твоём старомодный, но прочный паркет.
Рыцарь в блестящих доспехах состарился на -дцать лет.
В спальне твоей наша крепенькая кровать —
Я не могу на неё посмотреть и соврать,
Мол, с тобою я счастлива здесь была —

А затем вдруг легко соврала.

Рыцарь в блестящих доспехах уже не тот:
От половины принцесс морщит нос и кривит он рот.
Рыцарь капризничает, разыгрывает короля —
Только я вижу в нём не более, чем осла.
Смотрит в упор на меня, разогнав своих фей —

Только я тебе, Рыцарь, не новый трофей.

5`18

Башня

С каждым шагом моим башня движется влево
И грозит небесам разъярённо своим кулаком.
У меня – только старые, стёртые кеды
И гортанный, не выкашлянный ком.
Каждый полдень на башне чихает пушка,
Но беззлобно – ядра-то в утробе нет.
Это – города нашего погремушка
И забава не первую сотню лет.
Каждый грешник того или этого света
Будет в Невском приходе прощён.
У меня за душой – только эти вот парапеты...
Но если счастье не в этом,
То в чём?

518

Шероховатое

Мир без тебя неуютен, шероховат,
То слишком узок, то широковат.
Вынуть тебя – так сразу и шах, и мат,
Не хочется ни Синдбадов, ни Шахерезад,
Не хочется ни эклеры, ни шоколад —
А хочется, чтобы ты был спокоен и рад.

6`18

Легенда о трёх морях

Говори со мной этой простудной ночью,
Расскажи мне легенду о трёх морях.
Голос твой терпкого рома горче,
Он баюкает и прогоняет страх.

Расскажи о законе стихийных крещений —
Только тот, кто три моря бесстрашно пройдёт,
Может надеяться на прощенье
И безоблачный горизонт.

В первом море не волны – звери,
Пастью рифов корабль грызут.
Во втором – едкий дым застилает берег,
Чёрный, масляный, как мазут.

В третьем – дьявольская воронка,
В сахар крошит железный борт.
Не помогут здесь ни иконка,
Ни талантливый звездочёт.

Говори со мной ночью холодной, ржавой,
Ты – прошедший проверку моряк.
Мне же, как никогда сейчас слабой,
Эти три моря
Ещё предстоят.

5`18

Клоун

У него безымянный палец давным-давно в золоте,
И правой рукой он вцепился в запястье жены.
А глаза так и бегают, и миру кричат о голоде! —
Том, что душит его каждую ночь изнутри.

Он не больше, чем клоун в одежде с блёстками.
За стеной его спальни играет в солдаток сын.
Он лежит на измятой и тёплой простыни.
Ему кажется, он в целом мире, в галактике всей один.

Каждый вечер его клоунесса готовит ужины,
Шаркает тапочками, в тарелки вливает щи.
Он хотел бы стать добрым и ласковым мужем, но
При каждой попытке внутри у него всё трещит.

И история этого мягко-тряпичного клоуна
Так же безынтересна, как раннеапрельский ил.
Он хотел бы избавиться от безымянного золота,
Но ему никогда не достанет на это сил.

7`18

2341 градус

Я, как видишь, довольно среднего роста,
Да и сердце у меня маленькое.
Хоть исправно чеканит то семьдесят, то девяносто,
А не больше, чем мартовская проталинка.

Потому и любовь у меня, честно признаюсь,
Крохотная – да удаленькая!
В ней две тысячи триста сорок один градус,
Она крепкая. Неразбавленная.

Правда, милый, хлебнул бы ты лучше водки! —
Не стоял бы тут изваянием...
Но ты молча любовь мою стопку за стопкой,
Как лекарство, с улыбкой глотаешь каменной.

У тебя от зелья глаза – как звёзды,
И горят они синим пламенем.
Я, как видишь, довольно среднего роста,
Но любовь моя
Неисчерпаема.

618

Идеально!

У меня всяких разных талантов полно,
Но вершина всего – кулинарный:
Я готовлю глинтвейн. Разогрела вино
И подумала: идеально!

12`18

33 реальности

У тебя не одна,
А тридцать три параллельных реальности,
Сорок две тысячи возможных передовых.
Вот тебя и бросает из крайности в крайности,
Но ты, кажется, только к этому и привык.

У меня-то жизнь ровная, без капризов и шалостей,
Рифмы розами прячутся в нежный дневник.
А тебя на клочки разрывает какая-то сила безжалостно,
Но ты, кажется, только к этому и привык.

И хоть все варианты историй
Давно превратились в банальности,
Ломятся полки от веса всё новых и новых книг.
В этом мире, я думаю,
Без исключения все со странностью,
Но кто-то воюет с собою, кто-то лишь только жалуется,

А ты, самый стойкий солдатик, давно привык.

7`18

Город

Под колёсами поезда пóтом блестели рельсы.
Этот Город рыдал, когда я ворвалась к нему.
В сероглазой кофейне тихонько мурлыкали песни,
А на полках пылились Шатобриан и Камю.

Этот Город напуган напористой, дерзкой эпохой,
Он грустит о вчерашнем, таком не далёком дне.
Он молчит, он зажмурился:
Новое выйdet боком! —
Лучше всё по старинке, как делали бабка и дед.

Я совсем не похожа на местных модниц:
Мне не грустно неделями жить одной.
Они всё вычисляют,
Сколько мне будет стоять,
Если я не сломаюсь, останусь собой.

Ты мне нравишься, Город, но я устала.
У тебя всё по плану,
А мне нужен сбой.
Этот город смеялся всем каменным сердцем вокзала,
Когда тронулся поезд, меня увозивший домой.

8`18

О расстоянии

Давай назовём друг в честь друга детей
Да на этом и успокоимся.
Из всех наших счастливых совместных дней
Не получится даже пояса.
Между нами – хотя и не пропасть, но даль степей:
Двенадцать часов поездом.
И не поможет тут хлипенький мост над ней,
И тем она хуже пропасти.

8`18

Эстетика

Я всегда и во всём за эстетику —
Без неё всё как будто сине.
Любовь, а не ваша косметика
Для глаз лучшая терапия.

Врачи пичкают витаминами
И другую несут околесицу.
Глаза смотрят в глаза любимого —
И вылечиваются.

8`18

Бруклинский мост

С Бруклинского моста люди прыгают пачками —
Тридцать пять душ по статистике каждый год.
И все – из-за разбитых сердец.

Им кажется, это конец,
Но вода, как назло, прозрачная,
И смутно виднеется дно.
А на дне – только тина и камешки,
Никаких переломанных тел.
Так может быть, это – старт?

Да мало ли что говорят.

Как только наступишь на краешек,
Вдруг вспомнишь, чего хотел.

С Бруклинского моста люди пачками прыгают,
Лишь успевай считать,
Сыплются в быструю воду горохом в суп.

А мне вдруг подумалось: сколько же тут
Тех, кто после прыжка всё же вынырнул?

Надеюсь, больше, чем тридцать пять.

9`18

Сон

Мне сегодня приснился сон.

Отче приходит к Дьяволу, говорит:
«Этот мир навсегда убит.
Этот мир воскресить нельзя.
Оставляю его для тебя».

Дьявол с гордостью бросил Отче:
«Если ты этот мир не хочешь,
Отчего ты принёс его мне?
Для меня он давно не в цене.
Я бы взял себе пару душ,
Остальное всё – мрак да глушь».

Отче с Дьяволом поговорили
И вдвоём отреклись от мира.
Одному он тщедушен и мал,
А другой от него устал.

Мир катился по Небесам —
Сам.
«Это сон», – утешаю себя саму.
Только сна ни в одном глазу.

10'18

Орхидеи

Выверну душу, крикну:

«Ловите, распотрошите!
Как старую скучную книгу,
Как прошлого пережиток,
Как шкуру прогнившую волчью,
За то, что писать не умею!»

На мною пропитанной почве
Потом расцветут орхидеи.

`18

Кофе

На рассвете так хочется думать о чём-то важном,
А по факту – думаешь,
Как дожить до ближайшей кофейни.
Ты стараешься всё по ЗОЖу, готовишь кашу,
Но по принципу противоречий
В стакан наливаешь вермут.

В полдень хочется вовсе не думать, поставить точку,
Выйти на улицу, в парках впиваться в воздух.
А по факту – потуже затянешь ошейник-цепочку
Своих офисных будней. А жить скоро станет поздно.

Вечером хочется слушать любимый голос,
А по факту – включаешь заезженный плеер.
Хочется стать знаменитой, состряпать за вечер повесть,
Но не зря говорят, что утро всегда мудрее.

Ночью приходит сюжет: как положено, ниоткуда,
А по факту – бредовый сон,
Вплотившийся в смутном слове.
Ты мечтаешь его записать и оставить себе, но утром
Ты по принципу подлости думаешь только о кофе.

10`18

Сделка

Мой друг продал совесть по пьянке дьяволу —
А от него и не ждали совсем ничего хорошего.
Теперь по негласным похмельным правилам
Сидит и плачет...

...что продал дёшево.

10`18

Горечь

Воздух горче, и хочется чаще молчать,
Чтоб не выплюнуть злое от холода и сгоряча.
Кто-то студёной хваткой берёт за горло,
Что-то ломает внутри у тебя, рыча.

Копьями чёрных солдат поднимаются в небо кроны.
И ты тоже воюешь – только не выходя из дома:
Собираешь себя по осколочкам и кирпичам...
Тут уж что выросло.
Время сейчас такое.

У кого-то в садах зреют слива и алыча,
У тебя растёт только груз на больных плечах
И количество спрятанного по избе сора.
И не знаешь, кого больше хочется: стриптизёра
Или врача...

Помнишь, тебе говорили про свет в конце коридора?
Скоро всё вокруг станет белым —
Пора выходить из комы.
Слабости есть у каждого.
Засчитаем «0:0» – ничья.

Научиться вставать придётся.
Время сейчас такое.

10`18

О пределах

Ты идёшь то ли против системы, то ли против людей,
То ли против себя, презирая за каждую слабость.
У тебя тоже должен быть некий условный предел,
Но ты столько разрушил,
Что вряд ли там что-то осталось.

Ты идёшь напролом, но всегда не уверен, куда —
Потому что во всём и везде вечно видишь одно и то же.
Ты готов поменять континенты, страны и города
В идиотских попытках сбежать от того, что под кожей.

Ты наденешь любимые джинсы,
Пойдёшь на десятый расстрел
И в десятый раз выживешь, с пуль не спуская взгляда.
Существует ли небо, в которое ты взлетел? —
Ты смеялся, минирюя путь обратно.

11`18

Феникс

Написала б про лютики и ромашки,
Если б только умела быть проще.
Я ведь каждую маленькую промашку
Пропускаю сквозь кровь и кожу,
Прогораю внутри до пепла,
Своей болью играя в тетрис.

Но теперь поднялась я, окрепла —
Я же феникс, любимый.
Феникс.

11`18

Дороги-круги

И дороги-то наши – круги,
И пуста, неуютна обитель.
Но я буду читать о тебе стихи,
Пока в зале есть хоть один зритель,
Даже если глаза у него не твои,
И чужая улыбка, и имя его незнакомо.
Но я верю: он станет моим кислородом
В задымлённом подвале твоей любви.

11`18

Вещие сны

Ей твердили с младенчества: «Ты – кремень,
Ты не плачешь, ты молча латаешь бреши».
И она стала крепче железобетонных стен,
Без изъянов, осколочков, дыр и трещин.

Сердце алое море гоняет по струнам вен.
Даже в чёрные дни не сутулятся хрупкие плечи.
Ей привили способность вставать каждый раз с колен:
«Ты – кремень. И ты знаешь, что роботам легче».

И ей снился в кошмарах безоблачный летний день
И обычные, грустно-мирские вещи.
Она вскакивала, крича, и не сразу ложилась в постель.
«Это сон», – повторяла.

Но сон был вещим.

11`18

Утро

Утро городу заплетает косы.
Оно знает ответы на все вопросы,
Только нам их, конечно, не даст.

Хочется быть сенсацией, а не вбросом.
Но то ли ты недостаточно взрослый,
То ли правда никчёмный балласт.

10`18

Верь мне

Верь мне, верь мне: всё это было —
Пахло почвой и детским мылом,
Под окном твоей спальни росла крапива
И коленки пурпурным жгла.

Мы сидели на лестнице, ели сливы,
Мама пол на веранде мыла,
Пироги разных форм и начинок стыли
На дубовой ладони стола.

Верь мне, верь мне: был луг с полынью,
А в мешках золотились дыни
С сединою вчерашней пыли,
Как волшебником спрятанный клад.

Мы гордились, что мы всеильны,
И у нас с тобой были крылья.
Верь мне, верь мне! Всё это было,
Только сто разрушительных лет назад.

Но теперь-то мы победили!
Пахнет сном, земляничным мылом,
И кусается жгуче крапива,
И слезится от счастья взгляд.

11`18

Киндзмараули

Два столетья в гостях у тебя уснули.
В изразцовой печи над поленьями пляшет мак.
Снег метёт. Неоткрытое Киндзмараули —
Всё, как нам завещал Пастернак.

Хороводом дубовым от нас разбежались стулья.
На столе – то ли книга, то ли масонский знак.
У тебя – взгляды-ленточки, а не пули,
Ты колдуешь, как наидобрейший маг.

Перебрался в хоромы, покинув родимый улей.
Ты из тех, кто рискнёт сделать первый шаг.
Между нами витает пьянящий дух Киндзмараули.
На полу растянулся багряным пятном пиджак.

Этот вечер – нахальный, бессовестный жулик!
Он украл три часа, нам презрительно бросив пятак.
Ночь пришла и, его подменив в карауле,
Развернула над городом звёздно-черничный флаг.

Тёмной лупой таращится Киндзмараули,
Опустев, словно крохотный топливный бак.
Я тебя на прощанье три раза легко поцелую.
Ты забудешь наутро меня, как пустяк.

12`18

Воин

Слушай, Воин! Шёл бы ты на войну,
А не в баре сидел в уютном таком тылу.

Ты так рад за Отечество, будто сам воевал в Крыму,
Будто видел своими глазами окопы и нищету,
Будто полз по изрытому битым стеклом двору,
На своей спине таскал раненную детвору.

Ты так рад победить, словно беды все сами умрут,
Если выволочь в поле, заставить сражаться страну.

Ты всей жалкой душонкой за то, чтоб решать в бою
То, что можно решить, если совесть призвать свою.

Слушай, Воин! Шёл бы ты на войну!

Посмотрел бы, как падает замертво лучший друг,
Посидел бы в засаде до обморожения рук
Да послушал, как пули рисуют узоры вокруг,
А от грохота залпов забыл бы, где север, юг,
Кто ты есть, где твой дом, как тебя зовут.

Ты бы понял, какой это тяжкий труд —
Просыпаться среди ночи в холодном поту
И не знать: это рядом с тобой – уже труп,
Или он всё же встанет потом поутру.

Вот тогда ты бы мирно пришёл к столу,
Разобрал бы бумажек и писем руду,
Всем ответил бы, выход нашёлся б вдруг,
И порвался порочный военный круг.

Но ты прячешься в тёплом, уютном тылу,
Лишь по радио слушаешь про войну.
Что ты знаешь о ней, если ты не прошёл по дну?
Разглагольствовать легче всего в окружении слуг,
На удобном диване, с бокалом редчайшего брют.
Они там умирают, пока ты тут.

12`18

Гора на плечах

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.